

✧ Николай Костыркин ✧

ВНУКИ
БОГИНИ

✧ цикл Кельтика ✧

Николай Костыркин

Внуки богини

«Автор»

2026

Костыркин Н.

Внуки богини / Н. Костыркин — «Автор», 2026

История близнецов Мирддина и Гвенддидд, внуков древней богини Керридвен, которым предстоит стать свидетелями гибели старого мира и рождения нового. Британия VI века переживает последние годы эпохи Артура: рушатся кельтские королевства, уходят древние боги, христианство вытесняет старую веру, а вместе с ней исчезает память о мире, существовавшем задолго до людей. Мирддин и Гвенддидд взрослеют среди друидов, бардов и богов, оказываясь втянутыми в войны, предательства и борьбу за будущее Британии. Но главная угроза приходит не с поля боя. Древнее зло, связанное с Кроммом Круахом, возвращается в мир людей, превращая человеческое желание обладать и подчинять в разрушительную силу. Чтобы противостоять ему, Мирддин и Гвенддидд должны пройти через мир живых и мёртвых, познать тайны Аннуина и встретиться с Арауном, Мананнаном, Бригиттой, Махой и другими древними силами. Их путь становится историей взросления, любви, утрат и выбора между личной судьбой и предназначением.

© Костыркин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Безумие Кромма	5
Я был собой, когда меня снова позвали в мир людей	5
... Я был тем годом, когда пал Артос-Медведь	7
Я был радостью богини Керридвен	9
Я был длинным домом Коэля Хена	10
Я был заветом дома Коэля Хена	13
Я был полётом Морврана	15
Я был берегом реки, где встретились наши родители	17
Я был злорадством Керридвен	20
Я был памятью об Острове морского бога	22
Я был концом Роши острова Манау	24
Я был знанием Мананнана о Риме	26
Я был словами друида-расстриги	29
Я был беседой двух богов	32
Я был днём нашего рождения	36
Я был памятью о нашем детстве	40
Я был суматохой в монастыре Килдар	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Костыркин

Внуки богини

*Было время, Мерлин пестовал
Артура,
Наставляя, как Придайном
управлять,
Но не думал, что любая дура
Возжелает это описать,
Мифов ни на гнутый грош не зная
здеиных,
Отсебятину толкая без затей.
Мы же вместо мудрости древнейшей
Куртуазность ношаем теперь.*
<i>Здесь и далее поэтические фрагменты за очевидными
исключениями приписываются барду Нейрину, если не будет
доказано иного...</i>

Часть первая. Безумие Кромма

Я был собой, когда меня снова позвали в мир людей

*Когда лицом к лицу я говорить
С природой буду, что древнее
патриархов,
Увижу я, как в небе отразятся
Предания прошедших вскользь
времён.
Я буду говорить о трудных судьбах,
Впечатанных во звёздны очертанья,
Отдавших всё бездарнейшим
потомкам,
Отчаявшимся страх испить сполна.
Я перестану говорить по складам
И просто, голову косматую задрав,
Завою на луцу, как все когда-то
В какой-нибудь из жизней завывали.
Без сожаленья, в бездну прочь
нырнув,
Я буду спать секунду или
вечность...
Но лунный свет смешается с
судьбою,
И всё вернётся на круги своя.*

Забавный он...

Вызвать меня в ночь Калан Май, в ночь Бьялтене, и надеяться, что это пройдёт просто так! Немыслимая самонадеянность... Тут все такие или через одного?

Мне пока не очень уютно в этом теле. Но... не привыкать. Язык, правда, какой-то мудрёный. Недаром появился много позже, чем я пережил своё последнее воплощение, а их у меня было не одно.

Ничего, освоюсь. И с новым телом, и с новым языком, которым я расскажу вам свою историю. Он хотел рассказать её вместо меня. Долго готовился, если я верно просматриваю его жизнь. Даже вроде изучал какие-то манускрипты, правда, не на пергаменте и даже не на... как же это слово на латыни?.. Как назло, забыл! А, *in folio*! Да, вместо фолиантов тут есть ещё всякие малопонятные для меня приспособления. Нажимаешь, и появляются буквы, проведёшь пальцем – буквы исчезают и появляются новые; проведёшь пальцем обратно – прежние буквы возвращаются.

Все эти премудрости мне ещё предстоит освоить. Как всегда, всё приходится делать самому...

Я давно ждал этого. Ждал, когда меня призовут, и теперь, когда это случилось, я буду рассказывать вам историю своих жизней с помощью ваших хитроумных устройств. И да поможет мне в этом пламя великого Бели, разжигающее наш ауэн сквозь века и тысячелетия!

Уверен, что вы никак не можете понять, кто я. Нетрудно сказать.

При первом рождении я получил римское имя Моридун – Морская твердыня, которое в моей семье, где мы говорили на одном и том же языке, звучит как Мирддин.

Меня называют Лайлокен – Неугомонный.

Меня называют Сыном Кромешной Тьмы.

Меня называют Безумцем из Каледонского леса.

Я – Мидир, сын Дагды, величайшего из Детей Неба, владыка Полых Холмов и тайных волшебных троп, что пролегают меж ними.

Не столь долго, но именовался – и именуюсь – Эмрисом, Амвросием, дабы скрыть подальше от врагов истинного Аврелиана Амвросия, лучшего владыки своего времени. Так и остался я его названным родичем.

И только потом, много лет спустя после моей последней смерти, с лёгкой руки христианского жреца, коего накрыл истинно друидический ауэн легенды об Артосе-Медведе, я стал называться так, как было благозвучнее для новых почитателей наших сказаний, – Мерлином.

Вот сколько у меня имён, и ни одно из них не менее важно, чем все другие.

Вселившись в тело этого занятого соискателя нашего божественного ауэна, я хожу по улицам вашего города, всматриваюсь в лица людей, узнаю их помыслы, привычки, обыкновения и понимаю, что сегодня никто не постигает мудрость, склонившись над свитками или древними камнями, на которых начертан Огам. Общение с Легендой сегодня вам недоступно. Ваши слова сиюминутны, а намерения быстротечны, они легко сменяют друг друга. Поэтому я буду говорить с вами через эту непонятную коробочку, благодаря которой написанное могут во мгновение узреть девять раз по девять десятков и ещё столько же людей по всему миру – и даже это не предел. В живом теле всё вспоминается гораздо быстрее, чем в состоянии бесплотного духа, который изредка будоражат лишь пресные грёзы заурядных фантазёров. Настало время поведать обо всём самому. День за днём, одна история вслед за другой...

Начну, пожалуй, с конца, который и был началом всего.

Год моего и моей сестры-близнеца Гвенддид зачатия – тот, который после долгих споров лжежрецы Йессу Гриста через много лет со дня моей последней смерти назовут пятьсот тридцать седьмым от рождения своего бога...

Я был этим годом. Я был всем, к чему прикасался и о чём только мог помыслить. Я устремлял свой ауэн, своё вдохновение сквозь пространство и время и поэтому вижу всё, что происходило, будто бы было это мгновение назад.

Итак, я был...

...Я был тем годом, когда пал Артос-Медведь

*Я знаю, что будет потом,
Когда мы захотим, чтобы стало
светлее,
Теплее,
И к каждому дому примкнёт ещё один
дом,
И небо под нами откажется миловать
многих советом стократным.
Мы входим туда
Навсегда,
Надеясь вернуться обратно,
А вплоть до урочного дня
Любуемся властью отраженьем в
спокойной воде.
И на берегу разжигаем костры в
честь Изначального Белена.
Страстью унять
Стремимся заботы и почести сильным
мужам,
Но все они тленны,
Тленностью до одного подсчитаны и
измерены.
И вьётся костёр,
И в нём погребаем свою беспокойную
гордость.
Язык их остёр,
Но лишь до утра возвращения к
пошлой рутине, рождающей кротость.*

Именно в тот год почти день в день распался Круг Дракона. Фантазёры поздних лет называют их рыцарями Круглого стола. Да, Круг Дракона – это не «он». Это «они». Лучшие из лучших Острова, который ещё при моей жизни назовут в мою честь Пределом Мирддина. Но о том позже.

Круг Дракона распался вместе с гибелью Артура, Артоса-Медведя, стигнувшего в сражении вместе с Медротом, и легенды о том прошли сквозь века и дошли до ваших дней. Правда, никто из вас так и не знает доподлинно, бились ли они на одной стороне или же друг с другом. И вы не поверите: мы, жившие тогда, тоже не знали правды.

Говорили разное, потому что, едва завершилась та битва в Камланской долине, в краю, который саксы называли Сомерсетом, Уделом лета, по всему Придаину, от белых скал Океана до вересковых пустошей, некогда рассечённых Стеной Антонина, забродили босоно-убогие отвратительные перекасти-поле. Тени. В надежде на обглодок с богатого стола они шастали от одного динаса к другому и даже наведывались в саксонские бургы, коих строилось тогда уже немало.

И, вечеряя с хозяевами, роняли они байки со своих оголодавших уст. Говорили они мало, но часто. Вкушали пищи ещё больше. Глядели перед собой пустыми глазами, и голоса их скрипели, словно несмазанные петли амбарных дверей. Были эти странные гости похожи больше на призраков древнего Народа кожаных лодок, чьи потомки до сих пор живут в закатной и полуденной частях Зелёного Острова Иверддон, и среди далёких полных гор, и на равнинах Придаина – от их самоименования, придин, наш Остров и получил своё первое название;

мы же давно зовём их круитни – размалёванными, а римляне переводили это слово на свой язык – пикты.

... Жалкие лохмотья едва прикрывали их нагие тела. Никто не мог понять, сколько им лет, но речь их была ясна всем – в каждом краю говорили они на местном наречии словами, привычными для жителей тех мест. Даже с саксами они держали разговор по-саксонски, а с ватажниками, прибывшими с Зелёного Острова, – на столь непривычном для нас наречии скоттов. И никто не мог заглянуть им в глаза – пропасть бездонная была в них такая, что закладывало уши, а разум цепенел от ужаса.

Говорили эти не то люди, не то призраки древних пиктских вождей об одном и том же, но каждый новый таинственный гость, от которого местная челядь шарахалась, как от мертвецкого дуновения из Полых Холмов, приносил новую, отличную от прежних историю.

Одни повествовали, будто Артос и Медрот сперва схлестнулись из-за какой-то знатной властительницы, в которую влюбились оба. Другие рассказывали, что они вместе со своими дружинами приняли неравный бой против саксов, совершавших дальнюю вылазку в топкую долину реки Кам. Были и те, кто клялся, что своими глазами (да-да, теми, в которые было страшно заглянуть!) видели, как Большой Медведь, пронзённый копьем Медрота, нанёс ему сокрушительный удар мечом в непокрытую шлемом голову, и прославленный клинок рассёк несчастному череп, и мозги брызнули в разные стороны...

Много дорог протоптали эти неожиданные носители слухов и домыслов. И как были они везде, так и не стало их в один миг нигде. Пропали, сгинули. Ушли в холмы? Кем они были, так и не ясно. Ясно было одно: смерть Большого Медведя всколыхнула древние силы нашего Острова – недовершённое Артосом требовало продолжения.

К тому времени, как я вернулся из Иверддона домой, минуло двадцать зим, и то поколение вождей, друидов и колдунов Йессу Гриста, которое знало амераудура Артоса и воителей Круга Дракона, почти иссякло в мире единожды рождённых. Одни сгинули в пылу междоусобиц, иные скончались естественным образом – благо для этого было достаточно просто переест на пиру зимней порой. А те немногие, кто ещё был жив, молчали о том, что знали наверняка. Но даже их память и сведения не смогли бы напитать наследие Острова так, как сделали это разрозненные слухи и байки незваных гостей-призраков, будораживших воображение всех живших в ту пору – от гордых верховных вождей, претендовавших на титул вледи, до последнего пленника-раба, чья жизнь начиналась и заканчивалась уборкой хлеба.

В этом средостении пересудов рождалось самое главное сказание нашего мира. Рождалось оно, как и положено новой жизни, почти год. Первый год моей жизни.

И весь следующий год моему рождению не могла нарадоваться моя бабка Керридвен, богиня мудрости и волшебства...

Я был радостью богини Керридвен

Больше всех нашему с Гвенддид рождению радовалась богиня Керридвен. Правда, была она в тот момент далеко от нас. Но потом, когда мы, наконец, познакомились, часто, глядя на меня, маленького, она загадочно повторяла: «Не зря, ой, не зря...»

Потом она объяснила, что именно «не зря». Ну, как объяснила... Наверное, именно так и должно было звучать объяснение из уст Хранительницы тайных знаний:

– Тёмные времена стали ещё темнее, и Тьма крошечная породила Беспокойство, которое разгонит саму Тьму. Одного случайно кличут Твердыней Морской, другому специально это имя дано будет, и призовёт он Древних, и путь свой пройдёт от самых глубин времени-моря до исхода в вечный миф.

– Ба, а можно как-нибудь попроще, а? – мне было где-то зим двенадцать.

– Нет, нельзя, – озорно откликнулась она, помешивая очередное гадостное варево в своём знаменитом Котле. – Я ведь богиня мудрости, колдовства и тайных знаний. Я должна говорить загадками. Статус обязывает.

– Статус?

– Очередное никому не нужное римское слово, которым сегодня одержимы человеческие существа. Из-за него, статуса, и убили Артоса-Медведя.

– Из-за слова?!

– Из-за слова. На вот, попробуй, что бабушка приготовила, – и она проворно зачерпнула варево своей любимой огромной костяной ложкой.

– Фу-у-у! – скривился я, почуяв отвратительный запах прямо у себя под носом. – Не буду!

– Всё равно за обедом съешь всю миску! И даже слушать ничего по этому поводу не хочу! Ты и так всего лишь на четверть бог.

Керридвен помешана на всякого рода волшебных блюдах и напитках, которыми постоянно пичкала отца, покуда он не вырос настолько, чтобы без последствий избежать её опеки. Потом вся эта поистине божественная по мощи своей забота кубарем и всецело обрушилась на нас с сестрой. Так древняя богиня стремилась оградить нас от чужого колдовства всех известных миров, а также от чар стремительно набиравших силу жрецов распятого за морем Йессу Гриста.

Как Керридвен пеклась о нас, яростно и не терпя возражений, так же свободно и без замалчивания она в любой момент могла поднять любую из тем, которые всегда были табу в нашей семье. Одна из этих тем – моё, вернее, наше с сестрой «четвертьбожие».

Почему об этом у нас все, кроме Керридвен, старались молчать? Сказать нетрудно. А запомнить ещё проще.

Сына Керридвен, моего отца, зовут Морвран, Чёрный ворон. Бабка всегда поправляла: «Не Чёрный, а Великий». Но такой уж мы народ, что у нас всё, что чёрное, – обязательно великое. Или морское.

Итак, об отце, о Морвроне. Ещё его звали Авагтду – Тьма Крошечная. Дело в том, что родился он... исчерна-тёмной пустотой. Так случилось. Морвран считал, что принимать более приятный облик, например, человекоподобный, ниже его достоинства. Но приходилось. Часто он перекидывался, как и было дано ему от рождения вместе с именем, в огромного чёрного, как смоль, ворона, и тогда поистине был достоин всеобщего любования и восхищения изяществом формы и полёта.

Керридвен не говорила ему, кто его отец. Боялась, что найдёт и уколошит за плохую наследственность.

А ещё Морвран боялся, что его будущим детям передастся эта его плохая наследственность. В моём случае так и вышло, и вот как было дело...

Я был длинным домом Коэля Хена

*Я вспомню песнь из глубины веков,
Наполненную счастьем и отчаяньем,
Я снова вижу: корабли причалили
До южных скал британских берегов.
И снова вижу пламенную плоть
Среди небес, вздымающуюся с силой,
Но ныне это просто меч счастливый,
Готовый смельчакову длань согреть.
И снова собрались в одних руках
Копьё, Клинок, Котёл и Веций
Камень.
Их наши боги передали сами
В людские руки, долгими годами
Стягающие славу впоныхах.*

В стародавние времена жил да был в полночном крае Острова Придайн, или, как его ещё называют, Острова Могушества, у самого предела, где начинаются земли народа круитни, могучий вледиг, и звали его Коэль. Или Коллос. Или Коль. Было это, по человеческим меркам, так давно, что именуют этого Коэля не иначе как Хен – Старый. А в народных песнях, напрочь растерявших величие этой фигуры, он известен как Старый дедушка Коль. Правда, был случай, когда он действительно едва не растерял своё величие. И вот как это произошло.

Старый дедушка Коль, особенно когда уже действительно состарился, любил шумные пиры. По поводу и без оного. Да так, чтобы звуки пиров разносились из Эборакума до самых берегов как одного моря, так и другого. И чтобы обязательно было шумнее и веселее по меньшей мере на порядок, чем у всех вместе взятых вождей, перешедших под его руку. Чтобы со всего Старого Севера привозили лучшее пиво и вино и собирались у него лучшие барды, поющие лучшие песни. Чтобы всю ночь придворные музыканты его трубили в свои дудки и пилили свои струны, не смыкая очей.

Но вот однажды Старый дедушка Коль, видимо, выпил больше обычного, и что-то ему не понравилось в игре одного дудельщика. Он, распалённый пивом и вином, затопал ногами, замахал руками и велел страже выгнать из пиршественного зала всех своих музыкантов. Всех, кого он годами привечал у себя, годами собирал – опять же, лучших! – со всего Старого Севера, годами поил, кормил, возил с собой под отборнейшей охраной в битвы и посольства и знал по имени. Да не просто из пиршественного зала выгнал, а вообще из города. Так поётся в старинной песне, и на том она заканчивается. Но есть у неё и продолжение, и вот оно.

Ушли несчастные музыканты в лес, в крошечную ночь, навстречу призракам и прочим лесным обитателям, которые если не рады неожиданному гостю, то по меньшей мере заморочат его до утра, хотя могут и в болото заманить, и на корягу острую животом напороть. Идут они, значит, где-то вдесятером и ещё пять, по узкому лесному тракту, и тут им навстречу одной полной луной освещаемая согбенная сухонькая старушенция – мухоморы собирает. Начала их расспрашивать, как они здесь очутились и что с ними вообще стряслось. Музыканты бабушке всё и рассказали. Ну, тогда Керридвен – а это была она – никому ещё бабушкой не приходилась. Всё было впереди, и всё начиналось именно там.

Очень рассердилась Керридвен на Коэля Старого за его выходку и как была в старушечьем облике, так и заявила под утро на пир в главный зал Эборакума. Что там было, любители благоречия вам никогда в полной мере не перескажут. Владыка всего Старого Севера, поняв, кто стоит перед ним, тотчас протрезвел: ползал в ногах у хозяйки тайных знаний, заливался горькими слезами, вымаливая прощение. Уж очень не хотелось ему триста лет и ещё три раза по триста жить жабой или комаром! Во-первых, потому что ни жаба, ни комар столько не живут, просто Керридвен любила громкие цифры, особенно когда устраивала кому-то разнос. А во-вторых, этим всё могло и не закончиться. Жабами могли стать все придворные Старого Коэля, все его данники, а Старый Север вообще рисковал содеяться сплошным болотом. Потому что, когда злилась Керридвен, даже заморский Митра и ещё имевший более-менее вменяемую личность Йессу Грист хоть и пользовались всецелым почитанием многотысячных римских легионов, но, что называется, жались по углам своих святилищ и попросту не вмешивались.

В общем, к утру владыка Коэль вымолил себе прощение. Конечно же, не за просто так.

– Запомни, вошь! – Керридвен в гневе, как вы уже смогли догадаться, не скупилась на слова. – Взамен своей ничтожной жизни ты отдашь мне другую – из рода своего, и дороже её никого среди твоего потомства не будет!

Тот, разве что не обмочившись, часто закивал взъерошенной седой головой, и в глазах блеснуло долгожданное облегчение. «Какая мне печаль до этой жизни, если меня в ту пору уже не будет в живых?» – думал Коэль, когда Керридвен покинула пиршественный зал. Накаркал себе же самому – скоро его действительно не стало. Но прежде, в тот же день, с распростёртыми объятьями принял обратно всех десятерых и ещё пятерых – но без одного – своих музыкантов, одарив их подарками и вдвое увеличив довольствие. Боялся, что снова чуть что – пожалуются богине.

А того музыканта, который не вернулся обратно ко двору, Керридвен оставила у себя прислужником – помощники в волшебстве нужны всегда. Особенно те, на кого нисходит вдохновение и кого никто так и не надоумил идти учиться к друидам. Звали нового помощника Гвион Бах – Светлячок. Но о нём позже.

А история, начало которой положила выходка Старого дедушки Коля, только начиналась...

Я был заветом дома Коэля Хена

*Положи весь мир на умбон щита
И пронзи глаза остриём стрелы,
Ощути: в тебе стыд и нагота,
А фаланги перст, как одна, белы.
Ты босой пройдишь по стезе клинка,
Задьши без жабр на морском на дне.
Нить твоей судьбы слишком коротка,
Ты вовнутрь себя загляни извне.
Отрекись, забудь о делах мирских,
И ничтожество ты своё признай,
Коль твоей души долгий гул затих,
Истым воином себя лишь тогда
сознай.*

Немного прошло времени с той памятной ночи, как старый владыка Коэль скончался, и мудрая Керридвен Хранительница Котла даже решила проводить его до грани миров, за которой была иная жизнь.

– Матушка-госпожа, – молвил Коэль, когда они расставались, – если мы не увидимся более, скажи: что же это, самое дорогое в моём роду, о чём никто ведать не будет, но что придётся отдать тебе?

Думал он эту мысль потом очень часто и очень долго. Катал в голове, перекачивал. И думал он её совсем не так, как с самого начала, в ту зловещую ночь в пиршественном зале Эборакума.

Но ничего не ответила ему Керридвен, просто улыбнулась и обняла на прощание как старого друга, пожелав доброй дороги. На том они расстались, и Коэля, переходившего в новую жизнь, всё меньше стало волновать то, что стало отныне в его роду самым главным заветом. Потому что незадолго до своей смерти, явно почуяв её приближение, владыка Старого Севера созвал всех своих старших сыновей и племянников и, нехотя напомнив о той позорной ночи, строго-настрого наказал родичам беречь пуще всего то самое, что каждый из них сочтёт для своей семьи и близких наиболее дорогим.

В глубине души Коэль Хен подозревал, что для каждого второго из них, если не для каждого первого, этой драгоценностью станет трон Старого Севера. Как вы догадались, пошли междоусобицы. Предел Коэля делили, потом делили снова, отбирали друг у друга, кромсали на более мелкие наделы – одним словом, междоусобица процветала. Вот что бывает, когда несведущие массы неверно истолковывают слова единственного, кто ведает, да и то лишь наполовину, если не меньше. Вожди Севера не любили римские слова, но одно из них уж точно всем им подходило в ту пору – политика. Старый Север погрузился в политику, поэтому все друг друга обманывали, предавали, покоряли и нередко делали это чужими руками. На юге Придайна, где латинский образ жизни впитали тщательнее, лишь за голову хватались, наблюдая выкрутасы благородных вождей полноточной стороны.

Но римлян на Острове в ту пору стало заметно меньше, чем прежде – владыка Максен, которому Придайна вдруг оказалось мало, решил повторить путь одного из своих предшественников и увёл легионы в Галлию. Там и сгинул вместе с ними. Поэтому целых сто лет потомкам Коэля ничто не мешало благополучно резать и жечь друг друга ради самого дорогого, что у них было, – власти. Даже Большой Медведь Артос на закате своего правления в какой-то момент махнул на них рукой, перестав посылать своих латных конников из Круга Дракона на усмирение очередного самопровозглашённого узурпатора, и принялся попросту взимать с

каждого нового победителя дань людьми, лесом и скотом на укрепление полных границ с пиктами.

По прошествии сотни лет в пылу очередной цепи стычек никто из потомства Коэля не углядел, как расцвела одна из знатных девиц в доме Урбогена Регедского, прямого отпрыска бывшего владыки Старого Севера...

Я был полётом Морврана

*Сыграй о любви...
Когда мягкий искристый туман
Легко спеленает замёрзшую душу,
Я сон разбужу
И долго смотреть ему буду в глаза
немигающим взглядом.
Он – часть меня,
Непутёвого, смертного, вдаль
глядящего паладина,
Который ушёл за ворота, едва не
предав мечту.
Сыграй о друзьях...
Когда мир не жёлает ни правды,
Ни счастья, ни жалости в буднях
мерцающей тьмы,
Когда люди стараются быть, когда
жить стараются боги,
Мы уходим навек,
Чтоб вернуться обратно через
мгновенье,
И в ноги упасть, и молить о
несбывшейся милости к ближним –
Не к нам,
Мы и так уже прокляты не один и не
сотый раз.
Сыграй о судьбе...
Когда музыка стала забавою грязных
ночлежеск,
И филиды, и барды присягают на
верность римским крестам,
Я скелу свою сотворю, и закутаю
бережно в люльку,
И в лес понесу,
Где сидит в тишине та, что играет
на флейте,
Которую я попрошу:
Сыграй о любви...*

Домом Урбогена эту большую семью и её ближних стали именовать уже позже, к тому моменту, когда я вошёл во взрослую пору. Но владыка Урбоген стал довольно знаменит к исходу своей жизни, поэтому весь этот род, как за несколько колен до него, так и не одну сотню лет после называли именно домом Урбогена.

Ну а пока Урбогена ещё даже не думали начинать, при дворе его отца родилась Ллейан. Вернее, потом её назвали Ллейан, Отшельница. Потому что ещё отроковицей была она нелюдима и мало кого привечала в ближнем своём кругу. А данное при рождении имя – придворный жрец Йессу Гриста друид-расстрига Блехерис даже совершил модный уже в ту пору обряд погружения в воду – очень скоро позабылось.

Минуло пятнадцать зим, и родители уж было отчаялись выдать Ллейан замуж – стольким она из-за своего несносного нрава уже успела отказать! – но тут произошло вот что...

... Как-то раз Керридвен сказала Морврану:

– Полетай, сынок, поохоться, развежь хандру! А то ты после этой своей службы у человеческого вледида уже столько времени сам не свой, места себе не находишь. Да и мама хочет приготовить сегодня кое-что особенно волшебное.

И продиктовала список всего, что нужно ей было для очередного отвратительного на вкус – да, терпеть их никогда не мог, будь они хоть трижды колдовские! – варева в Котле. Морвран на память никогда не жаловался. Обернулся гигантским вороном и был таков.

Недалеко от дома он встретил на лесной поляне Герна. Рогатого Охотника.

– Пойдём, маленький-большой ворон, поохотимся вместе, – предложил Рогатый, произнеся эти слова на своём древнем наречии, настолько древнем, что даже первые боги давно позабыли его. – Твоя мать, моя старая вечно юная знакомица, знать, послала тебя, как всегда: туда – не знаю куда, принести то – не знаю что.

– А что взамен? – спросил его Морвран, зная, что и ГERN, и Керридвен, несмотря на почтенный даже для богов возраст, очень любили проделки, причём одни и те же.

Рогатый с напускной ленцой усмехнулся:

– Взамен – что произойдет от всегда не-твоего, станет на не-всегда моим.

Выяснять, что он имеет в виду, смысла не было. Всё равно не сказал бы. Или сказал бы что-то ещё, вконец запутав молодого отпрыска богини волшебства и тайных знаний, которому оные знания пока были мало того что недоступны, так ещё и неинтересны вовсе.

Морвран неопределённо взмахнул крылом – потом, мол, разберёмся! – и припустили они вдвоём по всем мыслимым и немыслимым мирам, выслеживая причудливых созданий, в ужасе стремившихся врассыпную, едва завидев косматого кряжистого бога, чья голова увенчана оленьими рогами, и огромного чёрного ворона над ним, распахнувшего крылья на всё небо. Кое-кому убежать не удавалось, и маленький кожаный мешочек на шее у ворона, способный вместить в себя целую бездну, – дар богине Керридвен от Маленького народа в благодарность за вечное заступничество – продолжал пополняться новой добычей.

На обратном пути Морвран собирался набрать испрошенных матушкой кореньев. Но не сложилось.

...Вышли Рогатый и Морвран тропой из-под холма в мире, где обитают люди. А именно – близ Морской Твердыни в Повисе, где у каких-то дальних родичей гостила Ллейан из дома Урбогена.

– Ну всё, дальше ты сам, а мне и того далее, – сказал Рогатый ГERN.

– А как же то, что взамен? – спросил его честный и бесхитростный Морвран.

– А, потом, – неопределённо повёл рукой Охотник, словно передразнивая недавний взмах вороньего крыла своего спутника. – Уже всё давно началось. Вон кречет-птица, следуй за ним, но не пужай. Тёзка он сына твоего.

– Какого сына? – удивился Морвран.

– Который не дочь. Но дочь – тоже, – хмыкнул ГERN и исчез в лесной чаще.

И тут в небе действительно закружил-заклекотал кречет, птица, зорко смотрящая в прошлое и не менее ясно – в будущее. И тут и там называли кречета многими именами на давно забытых или ещё не появившихся языках – фалько, чучулигар, боздоган, мерлин...

И примнилось гигантскому ворону, будто задразнил его кречет. И он, решив позабавиться перед неимоверно скучным полётом за травами, решил погонять бедную птицу, пока весь задор от охоты ещё не вышел.

И кречет-сокол увлёк исполинского чёрного ворона к кромке залива, на котором стоял Моридунум, Морская Твердыня. Навстречу судьбе – и не только своей.

Я был берегом реки, где встретились наши родители

*Дай насытиться робостью твоих
глаз,
Дай почувствовать твою нежность,
твою красоту,
Дай мне понять, что я люблю только
тебя,
Которая сидит передо мной и льёт
слёзы сейчас.
Мне не грустно, но и не весело
рядом с тобой.
Это пройдёт, как и всё проходит
когда-то.
Я не убежу. Я не хочу низвергаться
в покой,
Потому что я просто боюсь не
вернуться обратно.*

Огромная тень воронова крыла скользила по-над предрассветным Моридунумом, задевая огромный – шутка ли, второй по величине во всех бывших римских землях Придайна! – амфитеатр, ныне с заросшими скамьями, усеянный грядками овощей; форум, продолжавший исполнять строго одно из своих изначальных предназначений – место торговли; термы, переделанные под покои местной знати; деревянно-каменные городские жилища, сто раз перестроенные после очередного приступа ветхости и безрезультатных попыток повторить деяния зодчих прошлого; мелкие землянки бедноты, беспорядочно усеявшие кромку строгого полотна прямых улиц...

Кречет уже давно куда-то подевался, и Морвран, всё равно довольный охотой и в кои-то веки развеявшийся, вовсе позабыл о дразнившем его пернатом собрате, почти безразлично провожая взглядом оставшийся позади Моридунумский холм, Брин Мирддин, где когда-то селились первые местные жители из числа племени деметов.

Морвран уже бывал здесь когда-то. Давно. В прошлой жизни, о которой он не хотел вспоминать. Огромный ворон заложил полукруг и устремился к реке Тыви, к тому месту, где она, покидая место обитания людей, была довольно широка, чтобы, пока город не проснулся, минуя лодочную стоянку, принять свой нелюбимый первоначальный облик и охладиться в студёной воде.

Не пришлось. Ибо там они и встретились.

Ллейан сидела на берегу реки и смотрела вдаль. Когда небо над головой стало темнеть, она подняла голову и увидела Морврана. Нет, она не испугалась, хотя зрела нечто подобное впервые в жизни. Даже креститься не стала, как учил её священник Блехерис, сопровождавший воспитанницу в далёкий Моридун по строгому наказу Мейрхиона Худого, последнего вледида единого Регеда. Чувал потомок Старого дедушки Коля, что дорожить надо самым... дорогим. Ибо если сыновей правителя могут убить в битве, то дочери в силах сохранить и укрепить вотчину путём брачного союза с другим правителем. Поэтому в поблётший к той поре некогда роскошный Моридун, по-нашему Каэр Мирддин, прибыла Ллейан тайно и жила под чужим именем, которым, впрочем, никто не интересовался, тем более что всё внимание отвлекал на себя бывший друид, а ныне жрец Йессу Гриста Блехерис, вместо проповедей рассказывавший всем и каждому о своём родном Иверддоне.

Только вот пока Мейрхион Худой присматривал выгодную партию для сокрытой от посторонних глаз дочери, он возьми да и скончайся. И вот уже полтора года идти Ллейан и Блехерису было некуда.

Но не об этом думала девушка в то сумрачное утро, когда над ней проплыла тень гигантского ворона. А о чём она думала, сейчас уже неважно, ибо, увидав Морврана в его вороньем обличе, Ллейан совсем позабыла, о чём таком она размышляла за мгновение до.

Морвран почувствовал на себе чей-то взгляд, глянул вниз, на покрытый дёрном крутой, но невысокий берег.

– Чёрный ворон, что ж ты вьёшься над моею головой... – пропела Ллейан вдруг и совсем неожиданно для себя. Необязательно, конечно, она пропела именно эти строки, однако нечто подобное в тот момент прозвучало.

Морврана никогда не нужно было долго уговаривать, и именно там, на прохладном берегу реки Тыви, в тусклом свете голубого, не гревшего вот уже много месяцев солнца у них всё и произошло...

... – Кто?! – когда Блехерис переспросил во второй раз, то уже сорвался на сдавленный крик. Такой крик-полусшёпот, когда боишься привлечь к себе внимание, но уже не можешь сдерживаться.

– Чёрный ворон. Огромный чёрный ворон, – потупив глаза, ответила Ллейан. Бывшему друиду не нужно было ждать четвёртого месяца, чтобы через два дня, просохнув после очередной проповеди, понять-таки, что его подопечная понесла.

– И... – это он тоже переспрашивал во второй раз, – что ты ему пропела?

– Ты добычи не добьёшься...

– Ты пропела Морврону, сыну Керридвен, что он не добьётся добычи?! Ты пропела это Авагду, Кромешной Тьме, самому дикому воину Бреатана, тьфу, Придайна, тому, кто один

в дружине Артоса-Медведя стоил целой дружины Артоса-Медведя! Ты, не поморщившись, принялась дразнить сына той, чьё имя и слово «колдовство» – синонимы!

– Сино... что?

– Неважно, – отмахнулся Блехерис, – сам недавно выучил... И ты после всего, что произошло, молчала два дня?! Да, я был пьяный, но клянусь зенками святого Павла, эта новость сделала меня кристальнее гротов Инис Витрин, – и он истово перекрестил сначала лоб, а потом всё своё тело целиком.

– Ну наставник, – Ллейан нервно заломила руки и заканючила как маленькая, – ну я же не знала, что именно так всё произойдёт!

На самом деле ей было всё равно, о чём она в тот момент знала или не знала. Ведь именно то, о чём она два дня назад ещё толком ничего не знала, ей очень сильно понравилось.

– Что вы, женщины, вообще об этой жизни знаете!.. Лучше бы ты согрешила с тем учеником барда в доме своего отца, – Блехерис лёгким шлепком прикрыл глаза рукой. – Ты хоть понимаешь, КОГО ты придразнила?! Не понимаешь... Зато я уже всё понял.

Равно как и понял бывший друид, к кому теперь он должен идти и чем это для него может обернуться.

Я был злорадством Керридвен

*Не играй с богами в прятки,
Те – везде, а ты – лишь тут.
Как припустишь без оглядки,
Так они тебя найдут.
Не ищи к богам лазейку,
Не клади узкоколейку,
К ним дороги широки,
А мельчать им не с руки.
Боги, братец, не перчатки,
Их незыблемы порядки;
Веришь, могут без затей
Жизнь прогнать промеж ногтей?*

– Твою жизнь. Веришь? – хищно взглянула Керридвен на Блехериса.

Тому не нужно было долго блуждать по лесам. Он знал, что следует делать. Среди священных камней принёс он подношение, и богиня, только этого и ждавшая, нашла его сама. Нет, она могла навестить бывшего почитателя, друга и единомышленника в любой удобный для неё момент, хоть во сне. Но зачем женщине, даже богине, являться, покуда её не приглашают?

Христианский священник тут же распластался ниц перед древней госпожой колдовства и мудрости.

– Угу-угу, – отозвалась она. – Свежо предание, да верю через раз. Что, борода, проморгал девку-то? Ох, люблю я над такими, как ты, пошутить! А пришёл-то чего?

– За помощью и милостью, госпожа.

– За милостью – это не ко мне. За милостью – это, например, в Эвраук, на паперть вашей главной базилики.

Блехерис удивлённо приподнял голову.

– Я тоже люблю новые слова, – Керридвен почему-то сочла нужным объясниться. – Внуки, кстати, для меня – тоже новое пока ещё слово. По крайней мере, новое в нынешнюю эпоху.

– Внуки? – дерзнул забыть Блехерис и произнёс это вслух.

– Будет двойня, – слова Керридвен, периодически (и Блехерис это знал) сверявшейся с Котлом, мало кто подвергал сомнению. Кто же всё-таки подвергал, потом вспоминал об этом с большой неохотой.

– Вот что, Блез, – она назвала его, как и прежде, малым именем, наверное, по привычке. – За то, что ты остался верен своей воспитаннице, я тебя пощажу. Хотя, видит Аннуин и вся его живность, я до сих пор борюсь с искушением проучить тебя на девять жизней вперёд. Да и девочку оставить не на кого: не приживётся она в моём доме, даже если я её полюблю как родную дочь. Слишком уж заморочили вы ей голову своим заморским Йессу. Морвран – бобыль и бирюк, ему никто, кроме себя, не нужен. А среди людей Придайна девочку оставлять нельзя.

Блехерис это понимал. Если два дня назад Ллейан ещё не была никому помехой, то теперь она – будущая мать, возможно, мальчика, который сможет претендовать на трон Регеда, хоть уже и растасканного на лохмотья, но ещё способного зим через шестнадцать-семнадцать сплотиться вокруг нового вледи́га, прямого потомка Коэля Старого. Убить детей в утробе сочтёт своим долгом не один соискатель венца. И тайна, пока ещё царящая вокруг их с Ллейан пребывания в Каэр Мирддине, как показывал долгий жизненный опыт Блехериса, уже стала лишь вопросом времени. Как говорится, кому надо, тот рано или поздно найдёт.

– И вот поэтому, – Керридвен словно прочитала мысли священника, – давай-ка, бери мою невестку и отправляйся в свой Иверддон, в этот... новое название... сейчас... христианский храм дуба – напридумывали, мракобесы! – а, Килдар.

– В монастырь?!

– В него, в него. В монастырь Килдар, – Керридвен закрепила в памяти оба слова. – К святой, – мельком усмехнулась, – Бригантии. К Бригитте. Там вы будете в безопасности. Корабля не ждите. Ступайте на рассвете вдоль реки пешком. У моря, на берегу, призови Манавидана, он уже предупреждён. Манавидан проведёт вас через Аннуин к восходному берегу Иверддона.

– Да, госпожа, – Блехерис снова склонился перед богиней.

– И, Блез...

– Госпожа?

– Не пей много. Ты сам во всём виноват. А теперь хоть залейся – ничего не поможет. Ни-че-го.

Я был памятью об Острове морского бога

*Собирай каирн, мой друг,
И отмерь версту дороги.
Я нечаянно умру
В назидание немногим.
Я стихам не верю днесь,
Ныне верю только в слово.
Те, кто ныне пепел здесь,
В круг принять меня готовы.
Собери своих людей
На дорожном перекрёстке,
Провожайте девять дней
И не ждите больше в гости.
Собирай каирн, мой друг.
Я не жив, я остываю.
Пусть падёт из древних рук
Путь, что двери открывает.
И тогда я унесусь
В край за морем, в край далёкий.
Недрузи промолвят: «Пусть»,
А друзья вздохнут глубоко...*

В Придаине его звали Манавидан. В Эйре, в Иверддоне то есть, его звали Мананнан. Был он сыном Лира, бога моря. Вернее, был он сыном Моря, ибо кто такой Лир, если не Море! Хотя, как говорится, были варианты, но о них позже, и христианские монахи-сочинители здесь ни при чём.

А на острове Фалга его называли Мон. И сам Остров потом стали называть остров Мон. Но прежде его именем называли другой остров, южнее, у самых западных берегов Придайна, и пролив, с Придайном соединяющий. Остров Манау и пролив Манау. Ибо там этого бога называли Манау.

Раньше туда стекались друиды и с Придайна, и с Эйре, и даже с материка. Здесь мудрецы и колдуны сотен племён делились знаниями, учились, разрабатывали и принимали законы, которые оказывались в ходу как в Придаине, так и в Эйре и на континенте, слагали песни и творили настоящее волшебство.

Манавидан часто являлся среди друидов, подолгу слушал их, наблюдал, если считал нужным, давал советы, по истечении некоторого времени назначал нового управляющего Островом из числа старейших его гостей-обитателей. И даже сам кое-чему у мужей многомудрых нет-нет да и поучивался, ибо, в отличие от своего отца, прекрасно понимал, что морем мир не заканчивается.

Манавидан любил свой Остров и то, что он создал на нём, – уникальную Рошу друидов, место, куда каждый из них, где бы он ни жил, мог в любой момент прибыть, а затем, отправившись домой, подолгу отсутствовать, но всегда оставаться частью земли Манау. Были и те, для кого Остров и стал настоящим домом, кто, однажды побывав здесь, даже не думал куда-то уплывать.

Разве что за новыми знаниями, кои некоторые черпали и в финикийском Карфагене, и в Массилии (откуда один из друидов притащил в Придайн и попутно заманил на пару лун на Манау знаменитого картографа Пифея), и в городе великого Александра в Египте, и на берегах ещё более дальнего Истра, где обитают поклонники воскресшего ученика Пифагора, некоего

Замолксиса, и среди огнепоклонников в тех землях, до которых добирались самые выносливые и упорные в целях своих.

В Придаине и Эйре, в землях галлов и иберов могли бушевать войны и эпидемии, царить засухи и морозы, но на острове Манау всегда шла спокойная, размеренная, преисполненная высокого духа и мощного волшебства жизнь. Это, конечно, не означало, что друиды разных земель не помогали друг другу сообща находить пути разрешения от напастей, постигавших их народы. Бывало даже, что, например, собратья из коннахтов Эйре отправлялись аж в Лугдун, чтобы остановить серьёзную распрю, пройдя между двумя враждующими армиями.

Ни один властитель даже не думал покорить священную землю Манавидана, сына Лира, как не стремился, допустим, ходить по морю аки посуху или ставить лодку на твердь, чтобы странствовать на ней по трактам.

Но настали иные времена...

Я был концом Рощи острова Манау

*С завидной лёгкостью кружатся стаи
птиц,
Один виток, второй, но что же
далее?
Какой певец готов пропеть без
фальши,
Когда сквозь горизонт не видно
лиц?
Но, коль их принесёт заветный бриз
И поднесут заплаканную чашу,
Они не смогут больше вознестись.
Они чужие впредь, они не наши.*

... Но настали иные времена. Через узкий неглубокий пролив Манау до острова Манау – кто вплавь, кто вброд, кто на судёнышках – добрались римляне. Полководец Светоний, хозяйничавший в Придаине, жаждал уничтожить место, чья сила уже более ста зим защищала племена от окончательного покорения. Те, кто остался на Манау в ожидании нашествия, прекрасно понимали, кто такие римляне и какую участь они готовят друидам. Это знали и воины, добровольно прибывшие на остров, чтобы сформировать первую линию обороны Манау и пасть под ударами заморского железа.

Это знал и Манавидан, который не пришёл на помощь своему народу. Не смог прийти. Скованный заклатьем, он был не в силах вырваться за пределы Придайна. Ему, сыну Моря, пришлось годами топтать опостылевшую вконец сушу и ждать крайне призрачной возможности избавиться от чар.

Что чувствовал могучий бог, лишённый своей силы и связанный заклатьем, о природе которого тогда не знал ровным счётом ничего? Что чувствовал он, зная, понимая, видя сквозь пространство, как лучшие из лучших святых людей гибнут под ударами мечей тех, кто пришёл не владеть, а уничтожать?

Добрая половина искуснейших друидов Придайна, мужчин и женщин, пала тогда. Изрубленные железом, затоптанные копытами лошадей, сожжённые прямо там, в священных рощах, где все деревья были в итоге вырублены и выкорчеваны...

Срыты, засыпаны землёй и торфом каменные святилища. Осквернены посвящённые богам и духам источники. Сам священный огонь в главном месте силы потушен и более никогда не будет зажжён.

Но не все друиды-обитатели Манау защищали остров. Прознавшие о намерениях Светония старейшие из святых отцов, собравшись вместе, решили: остаться должны лишь те, кто не мыслит жизни своей без этой земли. Они примут смерть и уйдут в Аннуин как люди, исполнившие главный долг в своей жизни. Всем остальным друиды-старейшины предписывали покинуть Остров и перебраться туда, где римской ноге, как узрели провидцы, ступить будет сложно. Одни отплыли в Эйре, другие – в полночную часть Придайна, третьи – на остров Мон посреди Чистого моря. Друидам с материка возвращаться было некуда, ибо римский кесарь Клавдий объявил их вне закона, и они остались навсегда среди собратьев.

Это была тяжёлая, но преисполненная надежды жертва в той нескончаемой войне с могучим врагом, уже давно позарившимся на священные земли, – в Придаине готовила восстание Боадицея, властительница иценов, и многие друиды сочли за честь принять на себя всю ненависть римлян, в то время как дружины славных вождей и собранное ополчение рушили мерзкие творения захватчиков, убивая и их самих, и предателей-земляков сотнями.

Но жертва оказалась напрасной – Светоний поспел везде, и, оставшись без войска, Боадича бросилась на меч.

... Манавидану уже было всё равно, охвачен ли он чарами или нет. Когда их вроде бы по чистой случайности удалось снять, он не захотел возвращаться домой. У него теперь не было дома.

Он сидел на кромке моря и прибрежного песка. Десятилетиями. Почти два века. Люди гибли племенами, рушились прежние города, на их месте возводились новые. Тело земли Придайна испещрили каменные тракты, на полночь возвели стену, затем ещё одну. А Манавидан сидел без движения, глядя в одну точку, и никто – ни из богов, ни из фоморов, ни из бессмертных предков народа Фир Болг – не смог услышать от него ни слова. И, не услышав, они уходили восвояси.

Лишь Керридвен приходила к Манавидану каждый день. Жгла вокруг него костры, отплавала отварами из своего Котла, разговаривала.

– Давай-давай, солёный мой, приходи в себя. А то просидишь здесь не только все поражения римлян, но и явление двух заморских богов, которые, в отличие от римских, наш народ в покое не оставят.

И она оказалась, как всегда, права. Если не по поводу Митры, то касательно Йессу Гриста – точно.

За заботу и сочувствие Манавидан, которому, наконец, показалось, что и со сковавшей его болью он сможет дальше жить, считал себя до скончания веков обязанным Керридвен. Поэтому и не отказал в странной, на первый взгляд, просьбе провести через Аннуин двух христиан – старика и юную девушку.

– Только одно условие – пока идём, никаких ваших крестных знамений. Сами понимаете, Аннуин – это вам не мир смертных. Съест за святотатство и не подавится. Вижу, вы поняли. Тогда идёте.

Я был знанием Мананнана о Риме

*Рим бежит спустя столетья
Из Британии огромной,
От гойделов, и от саксов,
И от пиктов диких орд,
От деметов и корнуэлов,
И от Севера седого,
От сарматов-расселенцев,
Чей далёк стрелы полёт.
Прочь бегут латифундисты,
Эквиты и ветераны,
Каждый день под новый парус
Ветра западного ждут.
В страхе перед прежним миром,
В отращении – к чужому,
Но с надеждой в новом месте
На века найти приют.
Из пределов, где когда-то
Гордо аквила сияла,
Рим бежит, забыв, наверно:
Риму некуда бежать,
Потому что плоть от плоти
Рим с Британией давно уж,
И теперь вдвоём решать им,
Или жить, иль умирать.
Потому что Рим британский,
Он не в Риме появился,
Он – в Британии рождённый,
Не на склонах Апеннин.
И навряд ли беглецов тех
Кто-то ждёт на континенте,
И в столь разных новых землях
Их исход, увы, един.*

Когда они шли сквозь Аннуин, то слышали мысли друг друга:

– Говоришь, бывший друид?

– Но я не говорил тебе об этом, господин.

– Разве друиды бывают бывшими?

– Наверное... Я-то есть.

– Видать, пересидел я у моря, раз до сих пор не понял, как изменился мир. И знаешь, тогда, все эти неполные два человеческих века, даже он на меня не взглянул.

– Кто?

– Отец. Лир. Море. Забыл, что ли, бывший?

– Я? Нет, я так... задумался. А почему?

– Что «почему»?

– Почему забыл?

– Потому что он – Море. Бескрайнее, безбрежное. И не замечающее мириады своих детей. Возможно, это меня и подстегнуло когда-то. Подстегнуло к тому, чтобы в итоге стать тем, кто я есть сейчас.

– Ты велик, господин...

– Вот этого не надо. Тем более что ты чтишь совсем другого, не нашего бога.

– Да, и Он велик.

– Прекратить! Мне всё равно, что тебе ни разу не доводилось ходить со мной через Аннуин. Мне всё равно, кого и почему ты почитаешь. Я обещал Керридвен доставить вас в Эйре живыми и невредимыми. Поэтому не гневи Аннуин прославлением того, кто присваивает себе наш мир!

– Прости, господин.

Молчат, идут вереницей. Манавидан впереди, прокладывает тропу, Блехерис – сразу позади, не отстаёт, понимает, чем это чревато. Ллейан уцепилась за плечо наставника и пугливо озирается по сторонам. Грани Аннуина отзываются на её страх жутковатыми тенями, но сила его питает беременную волшебной двойней молодую женщину.

– Ты, наверное, уверен, что, кроме Йессу Гриста, ни один бог не считает себя Единым? Как же ты ошибаешься! До него был Митра, которого я почти не знал. А прежде них обоих был Рим.

– Рим? Но Рим – не бог.

– Увы, но бог. Рим – самый настоящий бог, претендовавший на всеисчерпывающее единство. И неважно, склонялся ли ты перед ножом самого занюханного повара в солдатском каэре или пел хвалебные песни очередному императору. Всё это – суть поклонение Риму, признание его силы и власти, коей он своими девять раз тысячными армиями принудил тебя покориться, нужную рукою в нужное время надавив на твой самый главный страх. Рим создавался как бог. Верю в истинность его порядка, ценностей, образа бытия. Если править, то по-римски. Если владеть рабом, то по-римски. Если воевать – тоже по-римски: Рим воюет, остальные или помогают, или покоряются. Третьего не дано, как у них говорят. Третье – это обращение в небытие всего, что дорого тебе и твоему роду.

Десятки императоров сменились за века, как я узнал. Они порою резали друг друга словно свиней, поднимали друг на друга свои легионы, даже отделяли себе от Рима огромные куски, но лишь на время. Бывало, что поступали вполне благостно – становились соправителями. Были алчные императоры, слабые императоры, трусливые, коварные, даже те, кто своей жизнью своею на все лады извращал естественную природу человеческого бытия. Но все они, сперва живые, а потом и мёртвые, остаются частью Рима. Рим-Государь вечен, меняются лишь лица, и неважно, насколько часто. И пусть пал этот Рим, на восходе вырос второй, а вслед за ним, возможно, будет и третий – всё равно это будет один и тот же Рим, которому подчинены и верно служат даже боги его народа, покуда он от них не откажется. Чем стал бы ваш христианский господь, не будь Рима? Покровителем закрытого сообщества фанатиков в знойной пустыне на краю мира? Он вырос и расцвёл буйным цветом на землях, скованных железною волею этого вселенского порядка. Йессу Грист вобрал в себя Рим, принял от Рима игровой мяч и теперь из прежних его богов всю творит кого-то наподобие фоморов, хоть это и окажется в итоге бесполезным.

... Слишком поздно я познал Рим во всей его устрашающей, пагубной мощи. Он силён не только армией, политикой, торговлей, но ещё и коварством. Глазами четырёх своих поколений он смотрел на нас, на Придайн, готовя свой план к действию. Рим-Кесарь совершил пробный ход, проверил нас на прочность и отравил помыслы нескольких вледигов, позже предавших свой народ. «Пришёл, увидел, победил», – предвкушал гордый Рим-Кесарь. «Пришёл, увидел и ушёл», – в итоге, довольно усмехаясь, ответили ему мы устами человеческого бренина Касваллауна. Но рано радовались... Рим-Клавдий, аки огромный паук, впрыснул в людей Придайна яд, лишивший чувствительности к грядущей боли – выгодные условия торговли, потоки чудных товаров, бряцание красивыми побрякушками... Рим-Нерон же покромсал нас на куски, но мы этого даже не заметили.

... Нас, Детей Неба и Детей Моря, Рим прежде не знал. Но он знал наших братьев за морем. Знал он и друидов. И понимал, что за ними сила. Друиды были едины – их спланивало искусство волшебства, исходящего из самой земли Придайна и Эйре. Если бы единственной трудностью была разобщённость племен, Придайн выстоял бы.

Но разобщены оказались мы, боги, в то время как боги Рима без самого Рима и шагу ступить не могли. Разобщённость наших богов я осознал слишком поздно. Когда я был связан закланием в Придаине, никто из них не пришёл на помощь друидам моего Острова. Видимо, считали, что на место павших заступят другие. Если кто-то из них вообще задумывался над этим... Теперь в смертном мире многое оказалось позабытым навсегда. Истончилась связь между смертными и нами, и чаще всего, куда смертный не уходит в Аннуин, он слеп и глух. А по прибытии в Аннуин ему до нового воплощения чаще всего становится совершенно безразлично, что происходит среди живых.

– Почему же никто из богов не пришёл защитить остров Манау?

– Одни немо и не без удовольствия мстили людям за то, что когда-то их предки загнали Детей Неба в Холмы. Другим... другим было просто наплевать. Третьи удалились в свои сферы настолько далеко, что даже не знали о том, что происходит в смертном мире. Четвёртые не успели, потому что были вместе со мной в Придаине, борясь с Римом там. Так и не сумев прорваться на Остров с суши Придайна, я излил всю свою ярость на незванный Рим. И не я один.

– Тогда почему вы проиграли в Придаине?

– Потому что нас было лишь несколько, а Рима – невероятно много, и он был един. Вместе с величием своих богов, опытом и искусностью его полководцев, столетиями оттачиваемой слаженностью действий мириад воинов. Тот, кого там не было, даже представить себе не может, какая это мощь! Она смела всё колдовство на Острове друидов – вплоть до последнего морока, который так и не привёл к тому, чтобы римские солдаты принялись резать друг друга. Римлянину не надо верить в богов и почитать героев. Не надо трепетать от одного имени императора или знать наизусть все знаки пророчеств. Римлянину, чтобы оставаться римлянином, нужно лишь одно – просто верить в Рим, сила которого отбрасывает от своего последователя любые чары. Даже некоторых наших богов обуял смертельный страх, когда они осознали, с чем мы имели дело.

– И ты?

– Испугался? Да. Но мне было всё равно – я мстил за остров Манау. А теперь Рима здесь больше нет. Теперь многие люди Придайна и есть один из осколков Рима, переваренные им, изменённые до неузнаваемости. Уже давно не верящие в нас. Как ты: бояться, но не верить. А бояться больше по привычке. Шутка ли! Друиды становятся христианскими жрецами!

... Они пришли. Аннуин милостиво выпустил их без потерь. Каскады холодных, почти правильной формы камней и кинжальный, дробивший кожу лица и рук ветер сменили собою вязкие туманы бессмертного мира.

Это был Эйре, который Блехерис видел впервые за минувшие двадцать зим.

Я был словами друида-расстриги

*Слова...
Слова тихо ложатся под ноги,
Чтобы застыть единой тропой в
студёной ночи.
И снова Древние Боги ступают по
этой тропе
На званую трапезу в полночь.
Я вспоминаю слова...
Я вспоминаю слова, о которых ещё
не слышал, которые буду потом
говорить –
В канун Альбана Весеннего.
Страшно подумать:
Кони врываются брызгом в сознание
леса,
И всадники ищут ещё не рождённую
дичь.
Хозяин лесов,
Гвин с таинственно-мрачной
улыбкой,
Ведёт полунощную армию призрачных
душ
Беззвучно,
Как будто немеющий лист осеннего
бука
Упал и застыл на земле.
...Слова.*

Блехерис молчал и думал. В какой-то момент он заговорил.

– Господин мой Мананнан, – произнёс христианин на родном для него гойдельском наречии, – вот уж мы покинули Аннуин и оказались в Эйре. Земля, дважды давшая мне жизнь, жестока: она давит на память и заставляет говорить о том, что не хотелось бы даже вспоминать. Но повесть твоя заставляет меня надеяться, что ты поймёшь меня после того, как я закончу. Потому – о, не гневайся! – повремени с отбытием и выслушай.

Мананнан стоял неподвижно, глядел на волны, вдыхал резкий солёный влажный воздух. Блехерис продолжал:

– Вот уж Ллейан более не страшно, и она прекратила цепляться за моё плечо, как было, пока мы шли сквозь Аннуин. Я смотрю на неё и вижу в ней отражение той, кого любил больше жизни своей. Она была в тех же годах, когда мы встретились впервые здесь, в землях лагенов.

Мой народ древнее всех людей, чьи потомки обитают днесь в Эйре и Придаине. Мы – Фир Болг, придины, круитни... пикты для римлян, те, на ком они споткнулись в полночной Альбе и укрылись за стеной. Нам были ведомы тайны курганов ещё прежде, чем Дети Неба и Дети Моря схлестнулись за право владеть Эйре, тогда ещё безымянной землей. Друиды из числа нашего племени всегда были лучшими из всех. Их призывы достигали даже недр земных, и сам Нуа, ставший Ллуддом, замирал в размахе молота своего, чтобы внять нашим словам. Наше волшебство усмирало дикую поступь морских кобылиц и ярость озёрных драконов. Да что я говорю! Ты и сам всё это прекрасно знаешь. Но память... память. Память готова в

любой момент взломать душу, и только гадкое трёхнедельное пойло всегда возвращало её на дно сущности моей.

... Она была дочерью ри в Эйре. Точнее, дочерью туа-ри лагенской пятины Эйре. Точнее, дочерью одного из бесчисленных септ-риг одного из туа в лагенской пятине Эйре. Но для меня она была единственной бан-ри на всём белом свете... И она поклонялась Йессу Грису, как и вся её семья.

Я знал многих друидов, отрекавшихся от богов и принимавших христианское крещение водой ради лучшего положения при дворе, чей риг перешёл в веру Христову. Ещё вчера они служили меж священных камней, а сегодня по их приказу эти камни валят наземь и ставят над руинами крест. Такие обычно наспех разучивают псалмы и с разбегу прыгают в рясу христианского священника. Апостол Патрикей, епископ Давид и многие другие хорошо знают своё дело, и мнится мне иногда, что нет лучше проводника силы Христовой, чем хитрость. Возможно, я тоже не избежал этого исхода.

Ибо моя любимая не могла быть со мной без обручения по христианскому обряду. Чтобы не сойти с ума от такого выбора, я отбыл в Придайн. Поселился у кромки смертного мира, близ дома Керридвен. Молился ей, учился у неё. Придайн кипел и сотрясался от усобиц и нашествий саксов. Восходила звезда нового ард-рига – креп и мужал в своей истовой мощи Артуир мак Бреатан, Артос-Медведь. А Керридвен учила мою душу ведать. Но чем больше ведала моя душа, тем больше осознавал я, что место моё не здесь и новые знания и волшебство не приносят ничего, кроме понимания собственной никчемности.

Я знал, что все те три года она, отвечая решительным отказом на просьбы о замужестве, ждёт меня за морем. Море дало мне дорогу, хотя на берегу перед отплытием разыгралась страшная буря – моя госпожа Керридвен не желала отпускать меня, зная, что будет потом. И последним моим волшебством стало то, что века назад сотворил великий Амаргин, друид сыновей Миля Иберийца:

*Я ветер в море,
Я волна,
На всех просторах
Я вольна...*

Я стал морем, и море стало мной, и чары великой Керридвен пали. Сила, что помогла мне стать морем, – это сила моей любви к единственной женщине, быть с которой я жаждал всем сердцем. И вся эта сила покинула меня, едва мы сочтались узами супружества у христианского алтаря перед христианским жрецом.

... Я умирал, господин мой Мананнан. Я умирал быстро. И умер бы совсем, если бы она не призвала Христа и не отдала свою жизнь вместо моей. Говорят, Христос иногда жалостлив и человеколюбив к тем, кто считает себя его рабами. Воистину никогда не знаешь, где найдёшь, а где утратишь!

Хотел ли я уйти вслед за ней, ставя камень на её кургане и высекая на нём фэды Огама? Не передать словами, насколько сильно хотел! Но чего тогда стоила бы её жертва? Та жертва, которой научил её, а ныне и мой бог.

И вот уже много лет я живу за неё. Той жизнью, которой она, возможно, жила бы, будь она мужчиной. Поэтому я стал христианским священником и полюбил Йессу Грису, как заповедала любить его она. Я полюбил ту его жертву, о которой учит священная Библия, полюбил жертву, которую, повторяя нашего бога, принесла она, уподобившись ему. И моя жертва – обрета жизнь заново, прожить её, жертвуя и любя. Как умею, как научился. Через боль и одиночество.

Лишь вдали от дома боль моя хоть ненамного притупляется, даёт дышать и мыслить. Поэтому всё это время я жил в Придаине, и место у трона Регеда стало мне пристанищем, а забота о дочери рига Мейрхиона, так похожей на мою любимую, – единственной отдушиной.

Наверное, господин мой Мананнан, это и есть та неуловимая любовь, которой учат христиане, и она продолжает царить в моей жизни столь причудливым образом.

– Что же это за любовь такая... без любви?

– А вот какая есть...

Блехерис помолчал. Потом спросил:

– Ты выполнил обещание, данное Керридвен, – провёл нас сквозь Аннуин. Почему же ты не уходишь?

– Я жду Бригитту: если Керридвен не слукавила, и если я верно услышал твои размышления в начале пути, то вы – слишком ценная кладь, чтобы бросать вас на полдороги.

Я был беседой двух богов

*Здравствуй, молчаливая любовь,
Я с тобой уж было попрощался,
Ибо выбор мне теперь любой
Может выпасть волею пространства.
Я бы рад солгать и говорить
Ночи напролёт о чём-то странном,
Только это лишь рубцы, не раны,
И не вне, а глубоко внутри.
Лето утекает сквозь листву,
Солнце улеглось на даль морскую.
И когда нас поминают все,
Мы с тобой ни разу не тоскуем
О былом виденье наяву.*

Дух жареной рыбы, шедший от костра, где сидели, вкушая пищу, Блехерис и Ллейан, резко прерывался на берегу, у подножия которого, опустив ноги в набегавшие волны, стояли Мананнан и Бригитта. Когда в сумерках они спустились по каменной гряде к влажной песчаной полоске, море поутихло и теперь не мешало их разговору под созревшими на потемневшем небе звёздами.

– Значит, вот она какая, невестка кумушки Кер, – сказал Бригитта.

– Какая есть, – Мананнан вспомнил недавние слова Блехериса и усмехнулся сам себе.

– Думаю, далеко не последняя из тех, на кого неожиданно налетает Морвран. А этот друид-расстрига должен пойти с ней?

– Наверное, – пожал плечами Мананнан, – потому что, боюсь, она без него и шагу по Эйре не ступит. Он ей что-то вроде наставника, или как там у вас, христиан, оно называется.

– Не ёрничай, – деланно насупилась Бригитта, – среди нас двоих, здесь стоящих, христиан уж точно нет.

– Я бы поспорил. Ты же у них вроде как святая.

– Ну, это... вынужденная мера. Да и вообще я уже лет как десять умерла.

– Что, не выдержала этого новомодного безумия?

– Дело в другом: сейчас люди дольше не живут. Да и умерла я настолько незаметно, что когда снова через какое-то время объявилась у себя в Килдаре, то одни уже забыли о моей смерти, другие, оказывается, и вовсе о ней не знали, а третьим было настолько всё равно, что я было вконец пожалела – можно было вообще не умирать, продолжая начатое дело без перерыва на мнимое небытие. Хорошо хоть священный дуб Килдара за эти пару зим не спилили, а то с них станется. Поубивала бы – и ничего, что христианская святая!

– Ну и ушла бы от них совсем, раз и они такие... невнимательные.

– А зачем, ты думаешь, я вообще всё это затеяла?

– Без всякого понятия. Но раз уж свиделись, надеюсь на увлекательный рассказ.

– Нетрудно поведать. Я, хоть и умерла, но вернулась во плоти. И люди меня видят. Воочию. Некоторые более сообразительные христиане, всё же сопоставив факты с обычными для них сроками жизни, объявили, что я вернулась из рая пасти их стадо дальше.

– Стадо?

– Очень уместный в данном случае оборот, благо и сами христиане не гнушаются всячески наполнять им свои ритуальные речи. Нормальные же люди смекнули, что к чему, и, видя их любимую...

– И весьма скромную.

– ... богиню собственными глазами, как-то перестали воспринимать христианские проповеди, отойдя от ознакомления с новой верой. Между теми и другими начались было стычки, поэтому пришлось срочно вмешаться и каждой из сторон объяснить то, что ей нужно было услышать. Так что я теперь поистине живее всех живых, и меня питают вера и преданность как наших людей, так и христиан. Чтобы совсем уж перенаправить на себя местных почитателей заморского бога, оградившись при этом от него самого, пришлось даже свой крест придумать. Теперь здешние христиане молятся исключительно перед ним, благо, чтобы сплести его из тростника или тонких прутиков, больших умений и времени не надо. Даже влюблённые – ну, ты знаешь, в Эйре что ни вера, то любовь – теперь дарят друг другу крест святой Бригитты. Старый лис Патрикей в своём раю, небось, все облака истоптал от злости. Теперь будет знать, как связываться с богиней полководцев...

– А также ворожбы, мудрости, врачевания, поэзии, кузнечного ремесла и рожениц. Бригитта, ты несравненна! И всё-таки зачем тебе это?

– Не мне. Нам.

– Нам?

– Ты не понял, глупый. Нам – Эйре. Ибо Бреатан, я убеждена, уже не спасти. Артуир пытался. У него не вышло. Ибо Артуир, хоть и великий ард-риг, но всё же человек, а не бог. А мы, дети Неба и другие древние, уже давно слоняемся по Придаину как бесправные неприкаянные странники. Нет, Бреатан уже не спасти...

– Потому что Йессу Грист забрал у тебя твоих бригаентов?

– И поэтому тоже. Но не только. Если Эйре знаменит внутренними потрясениями, то Бреатан гремит на весь мир потрясениями внешними, и так будет ещё очень долго. Эйре должен быть сохранён, чтобы не пасть жертвой неравной борьбы с новыми хозяевами Бреатана, которые рано или поздно обязательно придут сюда.

– Бриг, христиан становится всё больше, и твоя маленькая месть Йессу Грису и его плешивому бздуну Патрикееу ничего не изменит.

– Староверный или христианский, но Эйре должен остаться самим собой.

– И как ты рассчитываешь этого добиться?

– Ляор¹.

– Что?

– Либра, библис. Как их там ещё называют христиане? Знаки силы, начертанные на телячьей шкуре. На самом деле у них это уже далеко не знаки силы в том виде, в каком мы привыкли их воспринимать. Но, сложенные в слова, они дают силу тем, кто действует именем Йессу Гриста. А скоро они дадут эту силу и нам.

– Говорят, когда Рим убил Остров друидов, лысый учёный муж начертал об этом знаки своей скелы. Скела была сложена во всех подробностях – как резали, как жгли... Стал ли учёный муж умнее после того, как начертал скелу? Стали ли люди Рима умнее от того, что прочитали эту начертанную речь? Не слова рожают мудрость, но мудрость рождает нужные слова.

– Сойди с воображаемого гребня волны, Ман, а то ты уже начал вещать, словно какой-то римский брехун. Давай говорить о сути и без лишних красот. Эйре не выстоит перед христианством. А значит, христиане сделают всё, чтобы уже дети и внуки нынешних новообращённых позабыли о нас, утратили память своей земли, свою память. Свою, нашу с ними общую силу, которую затем утратим в этом случае и мы. Поэтому память надо сохранить. Совсем скоро книги с занесёнными в них скелами о христианском боге и его святых станут в Эйре обычным явлением. Их будут читать, запоминать и переписывать. На них будут равняться и беречь, как Балор берёт свой единственный глаз. Поэтому у себя в Килдаре я основала – новое для тебя слово – скрипторий, где с десятков писцов заносят в книги, пусть пока

¹ leabhar – (ирл.) книга.

и на латыни, скелы о Детях Неба, Детях Моря и многих других. Меня, свою святую, монахи-писцы послушаться не могут и, чтобы подолгу не забивать себе голову, считают сие действие неким божественным замыслом. Например, искусным подходом к прославлению их бога, чей верный раб Патрикей где-нибудь в конце книги изгоняет с Эйре змей, коих здесь, как ты знаешь, отродясь не водилось. Зачем что-либо объяснять людям, когда они сами себе всё объяснят, и для чего чертить знаками силы наши скелы, и зачем нужен крест святой Бригитты, и, поверь, многое другое.

– Умно, Бриг, действительно умно.

– Причём мои писцы дали клятву, – довольно усмехнулась Бригитта, – свято хранить тайну нашего скриптория. Думаю, до поры об этом действительно никто не должен знать. Разве что монахи из моей обители в Альбе, которую я там недавно основала. Решила не мудрствовать и окрестила её просто – христианский храм Бригитты. Звучно, правда?

– Не то слово, – хохотнул Мананнан. – И там тоже будет этот... скрипторий?

– Круитни Альбы – те ещё балагуры. За ними нужен глаз да глаз, и всё новое там следует тщательно выверять, а то и убить могут. Поэтому мне приходится присутствовать одновременно и там, и здесь. Наверное, нужно заканчивать с этим раздвоением – быть христианской святой более чем в одном месте уж очень муторно! – и просто ездить к самой себе в гости.

– Где же ты была со своими идеями, когда Рим пришёл на Остров друидов, Бриг?

Бригитта вмиг помрачнела вслед за Мананнаном.

– Я держала оборону вместе со своими бригантами. В одиночку, без других богов. Я умирала с каждым убитым воином или воительницей. С каждым брошенным в огонь младенцем. С каждым зарезанным в пылу грабежей стариком. Я столько раз умирала, Ман! И не могла умереть окончательно. Наверное, именно поэтому мне так легко удалось воскреснуть сейчас... Единый Рим поверг нас на колени, и мы долго, очень долго на них стояли вместе с доброй половиной Бреатана. Я превратилась в тень самой себя и даже женщин на сносях не могла благословлять на удачные роды. Дети стали появляться на свет мёртвыми. Много, очень много мёртвых детей! Бриганты пали духом и надолго отвернулись от меня, не сумевшей их защитить. Обессиленный народ и их обессиленная госпожа – мы долго были врозь. Но потом мы нашли в себе силы, чтобы воспрянуть и начать долгую, тяжёлую борьбу. Это было время повсеместных восстаний и набегов на римские каэры. Но Эвраук, Эборакум, этот монстр из тёсаного камня посреди прореженного тисового леса, соблазнявший многих моих людей своими бешеными нравами, оставался невредим. Ибо там сидел Бык. Так мы называли местное римское войско из-за его символа. Римляне же называли это войско Девятым испанским легионом. Мы долго готовили похищение этого Быка из Эборакума. Плели интриги, провоцировали дальние гарнизоны. На помощь пришли круинти, Фир Болг с полноточной стороны. Их привёл Кернуннос. Рогатый Охотник нашёл способ отомстить Риму за вырубленные во множестве леса Придайна. Вместе они заманили Быка в ловушку. Уйдя на полночь, назад Девятый легион не вернулся. Бриганты, мои бриганты ликовали, но ликовали очень тихо – Рим был в зените своей силы и власти. Наши вожди внешне принимали условия Империи, но навсегда поклялись не забывать, кто они есть, и во что бы то ни стало сохранить за собой свою землю. И когда Рим стал терять былую мощь, иссякать прямо на глазах, Эборакум доверили молодому дуксу, благородному сыну Империи – потомственному вледику бригантов Коэлю, Коэлю Старому, который возродил Старый Север. Девочка из его рода сейчас уплетает третий кусок рыбы у костра. Ей нужны силы, чтобы выносить двойню. Много сил. Пусть набирается. Мы уйдём в Килдар с зарёй... И я буду следить за тем, чтобы через девять месяцев Ллейан благополучно разродилась двумя маленькими бригантиками, коих доверила мне их бабка Керридвен. Вот такие, Ман, уроки времени.

– Только не выучили ни мы, ни люди самый главный, жестокий урок, который преподавал нам единый Рим. Старый Север превратил себя в клоаку междоусобиц, кои так и не смог окончательно пресечь даже хваленый Артуир.

– Что ж, в чём-то ты и прав. Но подумай, чьей воле мы подчинялись бы, стань мы такими же, как единый Рим? Испытавшие бессилие от нескончаемых потерь, мы тем не менее выжили и остались самими собой. И теперь в помощь нам могут прийти другие. Такие, как эти двое, коих родит Ллейан. Наконец-то я снова приму роды у матери божественных детей! Ты понимаешь, какое это счастье, Ман?

– Наверное, не очень, – отшутился тот, – ведь я ни у кого никогда не принимал роды.

Я был днём нашего рождения

Через девять лун Ллейан родила нас.

Если вы ещё не забыли, я веду сие повествование, обращая свой ауэн в прошлое, то прошлое, которое пребывает за пределами моей жизни. Я, Мерлин Амброзий. Или Аврелий. Что, впрочем, пока неважно, ибо это дело будущего, куда вскоре после своего рождения я также научился обращать свой ауэн.

Итак, сперва на свет появился я. И сразу следом – симпатичное недоразумение женского пола, которое по странному стечению обстоятельств в нынешней жизни стало моей сестрой-близнецом. Она буквально вынырнула из материнской утробы, ухватив меня за пятку, – уж не знаю, кто и где нашептал ей в прошлом воплощении, что так можно было...

Когда из наших ноздрей и ртов была извлечена слизь и мы тут же принялись истошно орать, перекрывая друг друга, а пуповины наши уже перевязали и перерезали, одна из помощниц Бригитты всё-таки не выдержала и грохнулась в обморок.

– Эка невидаль, – равнодушно заметила Бригитта, ожидая отторжения последней плоти, – неужели никто никогда здесь не видел волосатого человеческого младенца? Или вы, подружки, в человеческом облике пересидели уж, а? Воды этой обморочной! И сходите кто-нибудь за Блехерисом, пока я тут заканчиваю.

– За священником? – удивилась одна из помощниц. Их у Бригитты было три, все – из младших Детей Неба. Или, как было модно тогда говорить, из сидов.

– Да, за священником. И поторопись! Но поторопись так, чтобы наши монахи не видели крыльев на твоей спине, как в прошлый раз. Иначе точно в бабочку обращаю. Или в курицу. Хотя нет, – рассуждала она теперь уже сама с собой, пока руки были заняты сперва роженицей, а затем нами, – в курицу ещё надо заслужить: кормят на убой, и жизнь короткая, а вдруг потом снова сидой станешь и урок не усвоишь? Нет, всё-таки лучше в бабочку – там хотя бы самой пищу искать придётся, без посторонней помощи. И то труд.

Когда мы с сестрой родились, то хоть в мир и выплеснулось немало силы, однако не гремел гром, не сверкали молнии, и дождь не тяжелил соломенно-торфяную крышу кельи. Стоял вполне погожий день, и до какого-либо из Праздников Силы было ещё далеко. Что же до погоды, то, видимо, Бригитта решила не привлекать излишнего внимания живущих окрест. Заодно не хотела травмировать ни нашу мать, ни других обитателей монастыря светозвуковым сопровождением. Особенно впечатлительными в Килдаре были, что забавно, не люди, а как раз три сиды-помощницы богини-аббатисы. Двух из них Бригитта звала римскими словами, которые когда-то запомнила. Одну Флорой – за изнеженность. Другую Фауной – за неотёсанность. На третью римских слов не хватило, и за смешливый нрав Бригитта кликала её Весёлой Погодой.

Когда меня с сестрой поочерёдно запеленали, богиня по-особенному взглянула на нас, и мы тут же засопели, принявшись смотреть первые в нашей нынешней жизни сны. Спала и Ллейан, измученная далеко не лёгкими родами, – всё-таки она, юная и хрупкая, носила под сердцем даже не одного, а сразу двоих волшебных детей. Да и зреть меня в том виде, в котором я появился на свет, матери было совершенно необязательно.

В это время Фауна привела в чувство Флору, увесисто отшлёпав её ладонями по щекам, а Весёлая Погода уже отогнула полог завесы, ведшей внутрь кельи, пропуская вперёд запыхавшегося Блехериса.

– А вот и крёстный пожаловал, – отозвалась Бригитта на явление мужчины в женско-детское общество. – Вот что, приятель, нужна твоя помощь.

Она поднесла священнику меня и раскрыла пелёнки. Блехерис, увидев ребёнка, покрытого густой мягкой, почти кабаньей подпушью, отшатнулся и пару раз перекрестился.

– А ещё бывший друид! – усмехнулась Бригитта.

– Прости, госпожа, но я впервые вижу нечто подобное.

– Неудивительно. В Эйре ещё до Палладия и Патрикее к богам стали относиться пренебрежительно, не в пример былым временам. Посему и не видели вы уже давно нормальных чудес! Итак, к делу. Чтобы ты понимал, он везде такой... пушистый. В этом виде мальчугану две дороги – либо в лес на веки вечные путников стращать, либо к фоморам. И то, и другое – никак не выход. Поэтому выручай.

Блехерис с содроганием снова взглянул на меня, потом с немым вопросом в глазах посмотрел на Бригитту.

– Что тебе тут неясно? – богиня уже начала немного раздражаться. – Окрести его по-христиански. Правда, мы в ритуале кое-что поменяем. Во избежание, так сказать... Лохань с чистой водой, быстро! – велела она помощницам, и одна из них ринулась выполнять поручение.

– М-м-м, госпожа, – Блехерис всё ещё пребывал в полной растерянности, – ты хочешь, чтобы я окрестил этого младенца в веру Христову?

– А что тут такого? – Бригитта прекрасно понимала причину замешательства священника, и её это, без сомнения, забавляло. – Тут недавно был у нас монах из Египта, учил новому отшельническому уставу, возмущался, что женщина – аббат в монастыре, ну и так далее. Чуть не прокляла его в сердцах. И монах этот рассказывал, что их римский восточный кесарь Юстиниан всё вынашивает планы крестить по-христиански всех детей во младенчестве, не дожидаясь вхождения во взрослый возраст. Почему тогда нам нельзя так же?

– Но это внук Керридвен!

– Да ну? Христианин боится мести наших сил? Ваш господь же всемогущ и от всего убережёт – вон, змей Адданк в своё время Патрикее не тронул. Тот ему Христом зубы заговори и невредим остался. Так вот, Адданк до сих пор приплывает к восходному берегу каждые семь дней, ждёт, чтобы Патрикеей явился снова, как и обещал, – сожрать, наконец, хочет. Я – ему: «Адданк, гад ты водный и тупой! Патрикеей давно почил в своём бозе, не трать зря время!» А он мне, знаешь, что ответил? «Да мне до дна морского! У меня в запасе вечность, я ещё поприплываю пару веков – вдруг Патрикеей вас всех обманул, как меня, и ещё жив?» Ладно, не переживай насчёт ребёнка. Керридвен мне полностью доверяет. Так как ты был друидом, объясню, в чём на самом деле весь вопрос. Шерстистость мальчонки – наследственность его отца Морврана. А ты сам, небось, знаешь, что в своём истинном облике он страшен даже днём. Сей необычный вид ребёнка – часть нашей общей древней силы. Изгнать её самостоятельно я не в состоянии, потому что не могу пойти против своего же естества. Даже как христианская святая не могу этого сделать, ибо Христу не присягала, крещения не принимала, и вообще всё, что про меня говорят монахи, это сказки. Никто другой из древних снять эту замечательную щетинку тоже не сможет. А с чарами мучиться мальчику всю жизнь, как его отцу. Наводить постоянно, потом снимать – это, сам понимаешь, не выход, раз можно найти другой. И так как шерсть в этом случае – излишек силы, то христианское крещение, если я права, как раз этот излишек и изгонит. Теперь понятно?

– Да, госпожа, но только как мне сделать так, чтобы Дух Божий не вошёл в мальчика во время обряда крещения?

– Не переживай, я-то здесь.

И Блехерис стал готовиться к обряду.

Между тем в келью принесли наполненную водой деревянную лохань. Бригитта взяла её обеими руками и склонилась над прозрачной гладью. Вода пошла рябью, а сама лохань стала расти и менять форму, пока медный Котёл не стукнул внешней стороной дна об пол и не покрылся рельефными изображениями богов. Кажется, это были Дагда, Кернуннос, Огма и кто-то ещё.

– Ну, здравствуй, Котёл, – улыбнулась Бригитта. – Давно я не касалась тебя, давно не обращалась за помощью. Спасибо, кумушка-хранительница, что дала подержать сокровище.

И за морем улыбнулась в ответ Керридвен, так же обхватившая Котёл обеими руками.

– Начинай, Блез, – произнесли обе богини. – Котёл не даст ребёнка в обиду.

Блехерис прочитал молитву, взял меня, полусонного, на руки.

– Дитя, отрекаешься ли ты от сатаны? Э-м, госпожа, а как же он мне ответит, если едва родился?

Бригитта на мгновение задумалась.

– Ну, ты же его крёстный, вот и отвечай за него.

– А, ну да... Отрекаюсь! Так, сейчас... Принимаешь ли ты, о дитя, Господа нашего Йессу Гриста как Бога своего единственного?.. А, снова я говорю? Принимаю!

Блехерис трижды опустил меня в воду Котла со словами:

– Крещу тебя в веру Христову во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь!

Но в третий раз Бригитта соединила под водой свои ладони с ладонями священника и, когда тот отнял руки, извлекла меня обратно, уже гладкого, блестящего от влаги и без единой шерстинки.

– Чужим в воду погружён, своим из воды извлечён. Ни слова не проронил, никуда не уходил. Свершилось задуманное, не допущено надуманное. Какой ты был, такой и стал, чужой бог тебя не достал, – произнесла древняя богиня, глядя на меня. – Спасибо тебе, Блехерис, теперь ступай. Ты всё сделал правильно, и мы с Керридвен благодарим тебя.

Бригитта снова запеленала меня. Медный Котёл снова стал деревянной лоханью. Флора опять грохнулась в обморок.

Блехерис тихо сказал:

– Госпожа, я только что совершил святотатство в глазах Бога моего.

– Зато помог волшебному ребёнку. А насчёт греха не волнуйся, – она уложила меня рядом с матерью и сестрой, снова повернулась к священнику и подняла подол своего усеянного пятнами крови передника. – Давай, становись на колени. Пока эти законники с материка не стали приплывать сюда табунами и качать местным христианам свои права, я, женщина, вас, мужчин, ещё поисповедую.

Блехерис, робея, приблизился и встал перед Бригиттой на колени. Та накрыла его передником и начала:

– Значит так, я, Бригитта, дочь Даг... тьфу ты, пропасть ан-дубно! (сиды-помощницы сдавленно захихикали) Я, святая Бригитта, – а что, разве не могу и я тоже сама себя так называть?! – исповедую твои, Блехерис, грехи вольные и невольные... Ну, говори, в чём ты там согрешил! Или мне за тебя всё придумывать?!

– Ну, я, это... в общем, сотворил святотатство противоестественное, смешав обряд святого крещения с мерзкой бесовщиной...

– Ты, там, внизу, ври да не завирайся. С бесовщиной, тоже мне! Ладно... Отпускаю тебе, Блехерис, раб Христов, этот грех твой невольный... Так, мне это надоело. Два раза «Pater», три раза «Ave», и прощено тебе будет, аминь! Всё, ступай, а то сейчас к нашей спящей красавице пожалует её прекрасный...

Морвран действительно принял более-менее подходящий для случая облик, иначе Флора грохнулась бы обморок и в третий раз. Он даже не стал с разбегу в клубах пыли геройски приземляться посреди монастырского двора. Перекинулся из ворона в человека в близлежащей дубраве и, минуя ворота, спокойно вошёл в монастырь и заглянул в келью.

– Заходи, мы как раз закончили, – махнула рукой Бригитта.

Морвран подошёл к лежавшей на соломенном ложе Ллейан. Она проснулась, увидела его и по-детски душевно улыбнулась. Потом потянулась за нами, и Бригитта передала мою сестру матери, а меня отцу:

– Ну что, дети мои, как называть будем?

С именем сестры проблем не возникло. Ну, Гвендидд и Гвендидд. Светлая, Благословенная, Белая и всё такое. Хорошее имя для хорошей девочки. Мама назвала, отец неопределённо кивнул и полностью переключился на меня. Молчал. Но не мрачно, как обычно, а даже с некоторой долей нежности в глазах.

Ллейан было начала:

– Пусть будет он Анн...

– Нет, – оборвал её Морвран. – Никакой он не подкидыш. У него есть мать и отец. И он не будет расти в человеческой семье.

– Но я...

– А что, – миротворчески вступила Бригитта, – неплохо звучит: Анн ап Морвран (они говорили на языке Придайна). Ну или Анн ап Ллейан.

В это время я стал ёрзать под пелёнками, наверное, почувствовав, что эти трое пока ещё малознакомых взрослых говорят обо мне.

– Какой подвижный малыш, – отозвалась на это Бригитта. Ну прямо Лайлокен! И для имени подойдёт!

Морвран умоляюще посмотрел на Бригитту, и та замолчала, давая возможность родителям решить самим. Но слово было произнесено, и имя дано. Второе уж по счёту.

– Может, Моридунон? – спросила Ллейан Морврана. – Морская Твердыня. Там мы с тобой встретились.

– Хм, можно. Но на наш манер. Мирддин.

Так и стал я трижды наречённым.

Я был памятью о нашем детстве

Воспоминания детства обрывочны, но яркие.

Нам с Гвенддид исполнилось уж две зимы. Мы, грязные и довольные, играем в земле близ огромного дуба. С противоположной его стороны – деревянный христианский храм, где кто-то из монахов распевается. Мама неподалёку прядёт пряжу из шерсти только что остриженных овец. Когда есть работа, она молчит. Когда нет работы, она скучает. Отец давно не прилетал. Он вообще редко прилетает.

Ближе к нам Бригитта вполголоса беседует с Блехерисом.

– Христианский или староверный, да хоть безбожный, но Эйре должен оставаться самим собой, – говорит Бригитта. – Будь он под одним правителем, под множеством правителей или даже, как у далёких уже римлян когда-то... как же оно? А, республикой.

– *Республика* Эйре, – задумчиво произнёс я. Блехерис опасливо вздрогнул. Ллейан оторвалась от работы и почти удивлённо посмотрела в нашу сторону.

– Нет, – отозвалась Бригитта, – это ещё не пророчество. Просто малыш учится говорить и очень внимательно нас слушает. А это порой ценнее умения прорицать.

Я, довольный вниманием к себе, заулыбался во все свои молочные. Гвенддид, наоборот, недовольная тем, что внимание взрослых приковано лишь ко мне одному, запустила в меня игрушечной лопаткой. Выбила один зуб. Я заплакал. Теперь сестра могла быть довольна – в центре внимания оказались мы оба.

Я был суматохой в монастыре Килдар

Нам с Гвенддид миновало где-то зимы четыре, может, на пару лун больше.

Гвенддид сидит у нашей кельи и с глубоким сожалением провожает наши и мамины вещи, уносимые монахами прочь, в противоположный предел монастыря. Из кельи доносится властный голос Бригитты, отдающей распоряжения.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Перестройка, – Гвенддид берёт гребень и начинает задумчиво расчёсывать свои длинные пшеничного цвета волосы.

– Перестройка? – мне это слово сразу не нравится. Гадостью какой-то отдаёт.

– Чужие люди пришли. Помнишь?

– Да. Хотят здесь жить. Ну, не здесь – там, – я показываю в сторону ограды монастыря.

– Угу. Тётя Бриг рада. А от этих людей пришли те, что хотят жить тут, – сестра ткнула пальчик в землю.

– Да?!

– Да. И тётя Бриг рада ещё больше. Она сказала, что теперь здесь будет одна часть для тётей, а другая – для дядей. Потому мы с тобой и с мамой переходим на половину тётей. Вон туда, – пальчик теперь показывает в ту сторону, куда несли наши вещи. Вдалеке какие-то незнакомые люди уже готовили круговую стену новой кельи.

– А дядя Блехерис остается с нами?

– Почему? Он же дядя. Поэтому он будет жить с дядями.

– А-а-а...

И тут я понимаю: раз теперь мы будем жить совсем не на той половине, где монахи узорчато выводят разными чернилами рисунки на коже, значит, я никогда не смогу снова туда попасть, взобраться на скамью к дяде Блехерису или к здоровенному дяде Феогану, старшему монаху, который мне тоже нравится, и подолгу молча наблюдать за тем, как, склонившись над столами, они старательно рисуют то, чего я не могу пока понять. Нет, кое-что могу, например, скрученных в узлы человечков – страшно красиво! И всё это настолько интересно, что я слежу за каждым движением маленькой палочки и маленьких кисточек. Правда, в какой-то момент эти рисунки начинают двигаться, и тогда дядя Блехерис или дядя Феоган почему-то крестятся и тут же сгоняют меня со скамьи. С Гвенддид происходит то же самое. Нам потом всегда нравится рассказывать друг другу, как именно рисунки в очередной раз двигались. Сестра хвасталась, что однажды все эти аккуратные чёточки с кругляшочками вдруг принялись водить хоровод и дядя Блехерис, увидав это, очень уж сильно закричал, чем сильно испугал Гвенддид, и она долго плакала. Моя месть была страшной – в тот же день я добавил свежего свиного навоза Блехерису в еду.

В общем, я расстраиваюсь от мыслей, что теперь наши гляделки останутся в прошлом, и решаюсь:

– Эй, – говорю я сестре.

– Чего?

– Давай в последний раз пойдём туда. Где рисуют. Мы же больше туда не попадём, получается.

– Неть.

– Сама ты неть.

– Дурак! Неть значит не-а. Не пойду.

– Не пойдёшь? Трусиха!

– Я не трусиха, – обижается Гвенддид. – Просто не надо туда ходить. Я чувствую.

– Я тоже чувствую, – соглашаюсь я, – но хочется. Пошли, а?

– Ладно, – соглашается сестра, и мы, как бывало и раньше, сильно-сильно пожелав стать невидимыми, почти бегом, да ещё и зигзагами, устремляемся к заветным рисункам...

... – Безобразие! – вопит дядя Феоган. – Черти окайные, прости, Господи! Играть вам что ли негде?! Целая страница Благой вести от Иоанна! Целая страница угваздана! Пергамент – четверть молочного телёнка, работа по его выделке – ещё четверть. Итого сколько?

– Сколько, – передразнил я, кривляясь перепачканным чернилами лицом, барахтаясь шиворотом рубахи в кулачище дяди Феогана.

– Вы за эту... за выделку всё равно ничего никому не платите – у нас тут всё общее, – Гвенддид, тоже вся в чернилах, насупившись, скрестила руки на груди. Ворот её рубахи был в другой ручище дяди Феогана.

– Неважно! Платим, не платим!... Полтелёнка, неучи!

– Мы не неучи, мы дети, – отзываюсь я.

– Ты? – не унимается старший монах – Ты ребёнок?! Ты не ребёнок – ты фоморёнок!

Мы с Гвенддид дружно прыснули. Смешно же!

Настроение улучшилось, но ругань, видимо, придётся выслушивать до конца. А то и трёпку получать от тёти Бриг. Вот она, кстати, идёт к нам.

– Что за шум? Опять эти?

– Не опять, матушка, а снова, – не сбавляет тон дядя Феоган. – Нету уж!

– Чего нету?

– Страницы нету! Евангелия от Иоанна страницы. Заглавной, между прочим! С красно-зелёной буквицей, с моим узором! С моими тремя по девять узлами. Авторскими, между прочим! Авторскими!

– Ах, авторскими! Гордыня, сын мой, гордыня, – тётя Бриг изображает огорчение. – Ну-ка, отпусти их, я уж займусь, – она смотрит на меня. – Признавайся, твоя идея в скрипторий пробраться, когда там никого нет? По глазам вижу, твоя. А ты! – переводит она взгляд на Гвенддид. – Могла же его остановить? Могла. Чували же оба, что добром не закончится? Да?

– Да, – хором ответили мы уже не так задорно.

– В общем, так, – тётя Бриг ведёт нас к себе в келью и, когда нас там, внутри, никто не слышит, щёлкает пальцами, и из воздуха появляются Флора, Фауна и Весёлая Погода. Почти без одежды и мокрые. Видать, едва в речке выкупались. Гвенддид при их напрочь растерянном виде заливается громким смехом, а я уставляюсь на вновь прибывших во все глаза. Бригитта швыряет в помощниц какое-то тряпье, и те стыдливо им прикрываются.

– Вот что, дорогие мои, кончилась ваша вольница, – говорит тётя Бриг. – Досталась теперь и вам серьёзная работа. Соберите-ка этих двух сорванцов в дорогу и отправляйтесь к морю, в моё тайное убежище. Путь я укажу. Побудьте там все вместе какое-то время. А то у меня непростая пора сейчас намечается. Сами знаете, монастырь расширять, на мужскую и женскую половины делить, правила новые придумывать – будь они неладны, с поселянами мосты наводить. Поэтому вы тут со своими красотами лишь для соблазну, да и эта детвора волшебная... В общем, чтобы вы поняли, они сегодня так на узоры в книге засмотрелись, что христианского апостола Иоанна, нарисованного средь вязи, чуть сюда не вызвали. Хорошо, что я почуяла всплеск силы и разлила там все чернила... Итак, уяснили, что делать надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.